

Восточной Европы Эстония выделяется как успешный пример реализации стратегий и формулирования на национальном и институциональном уровне четких целей по привлечению зарубежных талантливых ученых. За 10 лет, прошедших с момента вступления Эстонии в ЕС (2004-2014 годы), количество иностранных преподавателей и ученых, работающих в вузах страны, увеличилось почти в 8 раз и превысило 8% от общего числа. Инвестирование в решение задачи привлечения ведущих ученых через процедуру открытого рекрутинга и информирование о вакансиях в журнале Science наблюдается в Польше, и можно предположить, что вскоре другие страны региона последуют ее примеру.

**На фоне стран
Центральной
и Восточной Европы
Эстония выделяется
как успешный пример
реализации стратегий
и формулирования
на национальном
и институциональном
уровне четких целей
по привлечению
зарубежных
талантливых ученых.**

Вероятно, изменение условий привлечения и работы иностранных ученых в США и Великобритании расширит диапазон возможностей для стран Центральной и Восточной Европы, а также других стран, ранее находившихся на периферии международного высшего образования. Если они смогут избежать национально-изоляционных тенденций и будут следовать имеющимся положительным примерам снижения препятствий для входящей мобильности, они могут стать более привлекательными для талантливых иностранных ученых. В этом случае мы можем ожидать существенного перераспределения трендов международной академической мобильности.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.89.9761>

Способствуют ли рейтинги повышению эффективности?

Саймон Марджинсон

Саймон Марджинсон — профессор международного высшего образования, Институт образования, Университетский колледж Лондона; директор Центра глобального высшего образования (CGHE), созданного Английским советом по вопросам финансирования высшего образования (HEFCE) и Советом по экономическим и социальным исследованиям (ESRC). E-mail: S.Marginson@ucl.ac.uk.

Глобальные рейтинги университетов появились всего 13 лет назад, но при этом они успели не только стать неотъемлемой частью мирового образовательного ландшафта, но и значительно изменить его. От рейтингов никуда не деться. Те, кто связан с высшим образованием, и те, кто не связан, все хотят понимать, что происходит в этой сфере, а рейтинги — самый простой способ это сделать. Рейтинги формируют своего рода иерархию вузов и находятся в основании партнерских стратегий. Ими руководствуются поддерживающие науку инвесторы. Тысячи студентов, преподавателей и ученых по всему миру принимают решения, отталкиваясь от рейтингов, несмотря на фрагментарность данных, на которых они основаны, и на порочные эффекты всех рейтингов, и хороших, и плохих.

Глобальные рейтинги превратили высшее образование в реляционное пространство, в котором одни возможности увеличились, а другие, наоборот, оказались заблокированы. Это произошло благодаря трем особенностям рейтингов. Первая — конкуренция: благодаря рейтингам в мире закрепилось понимание высшего образования как конкурентного рынка как для вузов, так и для целых стран. Эта конкуренция связана в основном с качеством проводимых исследований, которое является основным ядром рейтингов, и с академической репутацией. Вторая особенность рейтингов — иерархия: рейтинги — ключевой элемент системы оценки деятельности вузов, в котором, однако, реальным знаниям выпускников и дипломам, которые выпускники предъявляют на национальных и глобальном рынках труда, присваиваются неравные веса. Рейтинги становятся инструментом, более плотно связывающим университеты с геополитикой, рынками труда и общественным устройством, в котором царит неравенство и в рамках которого они функционируют. Третья особенность — эффективность: рейтинги внедрили в систему высшего образования экономику достижений, которая контролирует поведение вузов и нередко становится причиной маниакального стремления постоянно что-то улучшать.

Глобальные рейтинги превратили высшее образование в реляционное пространство, в котором одни возможности увеличились, а другие, наоборот, оказались заблокированы.

Неравная конкуренция

Элементы естественной конкуренции существуют и в исследованиях, и на рынке труда. Но, делая конкуренцию основой индикаторов, стимулирования иощрения, рейтинги придают ей значительно больше силы и первозданности. Они превращают ее в основную стратегию для многих руководителей университетов. И в целом это ведет к снижению солидарности и сотрудничества в сфере высшего образования.

Мы продолжаем сотрудничать друг с другом, несмотря на рейтинги. Может показаться, что рейтинги стимулируют интеллектуальное сотрудничество через учет совместных публикаций, однако такая стратегия часто объясняется опять же индивидуальным интересом, так как совместные публикации повышают показатели цитируемости. Как бы там ни было, суть в том, что благодаря рейтингам принцип распределения значительной и постоянно возрастающей доли ресурсов в высшем образовании приводит ко многим конфликтам.

Развитию сотрудничества также препятствует сформированная рейтингами иерархия ценности. Несмотря на свободу международных информационных потоков в образовании и науке, результаты деятельности вузов оцениваются по-разному. Существует четкая иерархия статусов. Однако то, что определяет эту иерархию, — это не глобальная система оценки результатов обучения. Такой системы просто не существует. Мы не проводим сравнительный анализ результатов обучения в разных странах. Глобальная иерархия вузов создается в результате процессов кодификации, оценки и ранжирования, результаты которых затем в обобщенном виде представляются в виде рейтингов и распространяются по всему миру.

Знания оцениваются через параметры, принятые в научных журналах и в иерархии самих журналов, через показатели, связанные с публикациями и цитатами, и в итоге они оказываются в рейтингах, которые в основном основаны на оценке научной деятельности. Шанхайский рейтинг (ARWU), Лейденский рейтинг и Scimago полностью основаны на оценке результатов

научной деятельности вузов, а рейтинг Times Higher Education — более чем на две трети. Если раньше руководящим принципом в экономике науки была репутация того или иного вуза или исследовательского центра, то под воздействием рейтингов формируется институциональная иерархия, которая определяет ценность каждой производящей знания организации и, соответственно, ценность произведенных ею знаний как таковых. Подобный подход и распространение рейтингов означает, что самые сильные университеты продолжают укрепляться в своем господствующем положении.

Повышение эффективности?

А что происходит с эффективностью? Именно ее повышение и является главным обоснованием конкуренции. Если рейтинги действительно основаны на подлинных показателях деятельности вузов и измеряют по-настоящему важные для вузов вещи, то чем выше положение вуза в рейтинге, тем выше эффективность. И если вузы стремятся улучшить свой рейтинг, то они должны повышать свою эффективность. Происходит ли это на самом деле? И да, и нет.

Возможно появление положительного синергетического эффекта между рейтингами, стратегиями и конкретными действиями, направленными на развитие, т.е. когда улучшение одного будет влиять на улучшение другого. Но есть и проблемы. Не все виды деятельности вузов учитываются в рейтингах. Нет индикаторов, позволяющих возникнуть синергии в преподавании и обучении, что создает сложности в стимулировании этой деятельности. Многие научные показатели, учитываемые рейтингами, могут оказаться под влиянием положительной синергии, однако рейтинги уделяют мало внимания гуманитарным и социальным наукам, большинству профессиональных дисциплин и вообще не учитывают научные публикации, написанные не по-английски. А какова ситуация в естественных науках? Некоторые рейтинги могут выступать в роли драйверов развития, а другие нет. К первым при прочих равных относятся рейтинги, которые опираются на внутренне непротиворечивые данные о публикациях и цитируемости (т.е. Шанхайский рейтинг, Лейденский рейтинг, Scimago). Начиная с 2003 года наукоцентрированные рейтинги во многом способствовали росту инвестиций в университетскую науку и повышению ее роли в стратегиях развития университетов.

Впрочем, рейтинги Times Higher Education и QS делают ситуацию еще более неоднозначной. Они тоже открывают возможность для формирования цикла позитивных перемен в той мере, в которой они опираются на надежные критерии измерения научной работы. Подобным эффектом может обладать, например, используемый в рейтинге QS показатель цитируемости в расчете на одного сотрудника или используемые в рейтинге Times Higher Education индикаторы цитируемости и объемов исследовательской работы. «Может» — потому что стимулы к переменам

ослаблены: показатели, непосредственно описывающие науку, запряты глубоко внутри многофакторных показателей.

Показатели интернационализации стимулируют повышение количества иностранных студентов и сотрудников и совместных публикаций, но их вес в итоговых результатах рейтингов невелик: опять же стимулы к изменениям погребены под другими компонентами многофакторных показателей.

Таким образом, может получиться так, что уровень цитируемости в расчете на одного сотрудника или показатели интернационализации университета улучшатся, а его рейтинг снизится из-за результатов репутационных опросов, которые составляют важную часть рейтингов Times Higher Education и QS, но которые при этом не имеют никакого отношения к реальной деятельности. Опросы отражают мнение людей о результатах деятельности вузов, но не содержат конкретных данных об этой деятельности. Таким образом, разрывается связка между прилагаемыми усилиями, реальным прогрессом и рейтингами, которая и является основным элементом цикла перемен. То же происходит, когда рейтинг вуза меняется в результате незначительных методологических изменений. Опять же выходит, что логическая связь между прилагаемыми усилиями, прогрессом и рейтингом отсутствует.

«Но постойте, студентам важна репутация вуза!» — можете сказать вы. Ценность диплома находится в зависимости от сложившейся неформальной иерархии. Это так. И репутационная иерархия сама по себе, составленная по результатам опросов и не затронутая другими факторами, может дать нам важную информацию. Однако один лишь репутационный рейтинг, как бы интересен он ни был, не может быть постоянным стимулом для улучшений. Он может лишь стимулировать игры в рыночное позиционирование. В общем, чтобы репутационные рейтинги шли на пользу общественным интересам и отдельным участникам рынка, репутация должна оцениваться на основе реальных результатов деятельности вузов.

Чтобы пояснить мою мысль, приведу аналогию. Победителем чемпионата мира по футболу становится команда, забившая больше всего голов в отведенное ей игровое время. А что, если ФИФА вдруг решит изменить правила? И вместо того, чтобы оценивать лишь реально забитые мячи, решит добавить 50% очков команде, забившей больше всего голов, и еще 50% очков — команде, признанной лучшей по результатам опросов? Наше доверие к результатам чемпионата снизилось бы, не так ли?

Рейтинги, основанные на множественных индикаторах, содержат огромные массивы данных, но они не могут последовательно служить стимулом прогресса, т.к. не ясна связь между предпринимаемыми в каждой конкретной области усилиями и результатами рейтингов. Появляются разнонаправленные стимулы, а результаты их влияния не видны. В Шанхайском рей-

тинге различные используемые индикаторы довольно хорошо коррелируют между собой, при этом они однонаправленны и содержат схожие стимулы. А вот рейтинги QS и Times Higher Education составляются на основе разнородных индикаторов.

С другой стороны, если разобрать комплексные рейтинги на составные части, то очевидно, что используемые в них показатели действительно могли бы стимулировать повышение эффективности вузов. В таком случае рейтинговая гонка и впрямь могла бы способствовать достижению более высоких результатов, а не улучшению репутации ради репутации как таковой.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.89.9762>

Гонка за рейтингами в период массовизации высшего образования: забудьте о них!

Филип Альтбах, Эллен Хэйзелкорн

Филип Альтбах — профессор, основатель Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: altbach@bc.edu.

Эллен Хэйзелкорн — советник по стратегическим вопросам Экспертного совета по высшему образованию Ирландии, почетный профессор и директор Центра исследований высшего образования (HEPRU) Дублинского технологического института. E-mail: ellen.hazelkorn@dit.ie.

Эта статья основана на книгах M. Yudkevich, P. Altbach, and L. Rumbley, eds. The Global Rankings Game (Routledge 2016) и E. Hazelkorn, ed. Global Rankings and the Geopolitics of Higher Education (Routledge 2016).

У нас есть одно очень простое утверждение: университеты всего мира слишком зациклились на своем статусе в национальных или глобальных рейтингах, даже при том, что многие из них никогда публично в этом не признаются. Мы утверждаем, что пришло время остановиться.

Некоторым университетам удастся попасть в вожденные рейтинги или незначительно улучшить свои количественные результаты, но все это не стоит затрачиваемых средств или значительных изменений, вносимых в миссию и академическую составляющую